

ЗАПИСИ НА ДОЛГОМ И ИНТЕРЕСНОМ ПУТИ

Дневник — часть жизни археолога. Без него экспедиция теряет смысл. Без него невозможна научная публикация материала и нет обобщающих трудов. Дневник археолога одновременно материал личный, ярко отражающий душу, и в то же время — материал публичный, ибо это документ, рассчитанный на то, что им будут пользоваться многие.

Борис Борисович ко всему, что он делал в жизни, относился как к работе, которая делается и для других. Его многочисленные зарубежные поездки становились дополнительными экспедициями, каждый шаг в которых должен был быть описан. Из каждой поездки он привозил дневник с записями и рисунками. На полках в его кабинете стоят более сотни книжечек с записями и рисунками из множества поездок. Египет, Япония, Италия, Колумбия, Индия, Мексика, Канада...

На основе этих дневников в последние годы жизни он начал готовить путевые очерки для печати. К сожалению, он не успел завершить многое, в том числе и описание египетских путешествий и экспедиций. В этой книге подготовленные Борисом Борисовичем очерки публикуются в том виде, в котором он их оставил. Рисунки взяты из дневников, которые еще предстоит ввести в читательский обиход в полной мере.

Очерки, написанные сжатым и деловым языком, содержат массу важной информации как о странах, так и о характере культурных связей с ними, развитие которых было целью всех поездок Бориса Борисовича. За этими поездками всегда стоят результаты — организованные экспедиции, выставки, налаженные контакты, художественные и научные находки. В самых неожиданных местах Борис Борисович находил материалы, важные и для его собственных научных изысканий. В дневниках рядом с бытовыми зарисовками и рассказами о важных встречах всегда есть описания и рисунки, сделанные в музейных хранилищах и у музейных витрин.

Деловая основа определила и внутреннюю стилистику дневников. В них нет двух черт, обычных для путевых заметок советского периода, — ни восторга опалевшего провинциала, ни опять же провинциального высокомерия и поиска недостатков. Борис Борисович, как и полагается истинному петербуржцу, свободно чувствовал себя в Берлине и Дели, в Нью-Йорке и Осаке, в Париже и Каире. Он всегда готовился к своим поездкам, и потому даже чисто описательные элементы текста интересны и сегодня, когда все эти заморские страны перестали быть столь закрытыми, как прежде.

В те времена всякая поездка была событием, но были и события событий. Борис Борисович начинал как египтолог. Приобретение второй востоковедной профессии урартолога было частично вызвано абсолютной невозможностью даже мечтать о поездке в Египет в двадцатых годах. Но он умел ждать и попал-таки в Египет. И не только попал, но и руководил там экспедицией.

Много лет раскапывал он знаменитые урартские памятники в Закавказье, но главные центры Урарту находились за одной из самых непреодолимых тогда границ — в Турции, в Турецкой Армении, где действовал особый военный режим. Но он умел ждать, и дождался. Он побывал на озере Ван и в урартских столицах, но только однажды... Он мечтал побывать в Китае, увидеть археологическое чудо — армию глиняных воинов в царском захоронении, но не успел дожидаться...

Борис Борисович мог водить экскурсии по тем странам, в которые приезжал, но порой известное из книг при встрече поражало его настолько, что строгий стиль его дневников, а тем более устных рассказов, перерастал в восторг, который он страстно хотел разделить со всеми. Так обстояло дело с архитектурой пустынных городов Сахары, которые восхищали самого Корбюзье, с культурой Японии, с городом набатеев Петрой.

В путевых записях Бориса Борисовича часто чувствуешь вдохновение паломника. Паломничеством и были эти визиты в места знакомые, любимые и желанные, вдруг (не вдруг, а после долгих трудов и терпения) ставшие доступными хоть на мгновение — Фивы, Мемфис, Вавилон, Рим, Константинополь, Иерусалим, Афины, Милет, Киото, Париж, Ниневия, Тушпа, Мариб, Персеполь, Флоренция...

Борис Борисович написал воспоминания о предвоенных и военных годах своей жизни и работы, они кончаются 1955 годом — годом, когда он впервые поехал за границу и не куда-нибудь, а в Италию. Вся дальнейшая его автобиография сохранилась только в виде путевых дневников и полевых дневников раскопок. Он продолжал быть копающим археологом до последних лет своей жизни. А последняя его поездка была тоже в Италию — в 1990 году, за шесть месяцев до смерти.

Сто тридцать три записные книжки, сорок стран. За этим стоит большой и напряженный труд. Спутники Бориса Борисовича с почтительным ужасом рассказывали, как в конце каждого дня, а все дни были насыщены физическим и моральным напряжением, Борис Борисович брался за перо и начинал заполнять страничку за страничкой своим ровным и удивительно разборчивым почерком. А гости его хорошо помнят, как в ходе домашней беседы он доставал свои дневники и начинал рассказывать, цитируя записи. Это сочетание рассказа и „документа“ было как бы особым ораторским приемом, увлекавшим и содержанием, и формой.

Борис Борисович прекрасно рисовал. Его рисунки археолога были удивительно точны, будь то планы, здания или вещи в музеях. Помню, как однажды, открыв один из его старых дневников, я чуть не вскрикнул — там была удивительно знакомая зарисовка садика на крыше итальянского дома. Это был вид из окна маленькой гостиницы в Риме, в которой много позже и мне довелось жить. Оказалось, что я жил в том же номере. Наряду с точностью, рисунки Бориса Борисовича отличались и юмором. Он любил рисовать шаржи, в том числе, очень часто — на себя самого. Нередко шаржи сопровождались шуточными стихами. Некоторое представление об этой стороне его творчества можно получить из тех рисунков, которые выбраны из дневников в качестве иллюстраций к описаниям тех путешествий, которые Борис Борисович успел отредактировать.

Эти страницы увлекательно рассказывают об очень интересных странах и делах, сохраняя нам голос человека, которого мы все очень любили.

Михаил Борисович Пиотровский

